

Милица Васильевна Нечкина

ЧТО ДАЕТ ИСТОРИКУ

«КАПИТАЛ» Карла Маркса

Борьба классов, 1933, № 3-4. С.40-59

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Собрание ссылок на произведения К.Маркса и материалы о нем

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#marx>

«Капитал» — крупнейшая теоретическая работа Маркса. Всякому известно, какое огромное значение имеет эта работа для марксистской политической экономии. «Капитал» Маркса разрушил до основания фальшивую «науку» вульгарной буржуазной политической экономии, камня на камне не оставил от ложных теорий буржуазных экономистов и создал новую, подлинную науку политической экономии. Эта подлинная наука стала мощным оружием пролетариата в классовой борьбе, стала революционной наукой. Ленин указывает на то, что Маркс революционизировал в своих сочинениях — «К критике политической экономии» и «Капитал» — науку политической экономии (Ленин, т. XVIII, стр. 7).

В «Капитале» всесторонне развита и раскрыта политическая экономия марксизма. Само собой понятно и ясно, что ни один историк-марксист не может обойтись без знания политической экономии. Это — азбука. Нет нужды на этом останавливаться. Маркс учил, что «анатомию» человеческого общества следует искать в политической экономии. Знание законов экономического развития капитализма, сущности капиталистической эксплуатации, причин неизбежного краха и революционной ликвидации капитализма — обязательная предпосылка марксистского изучения истории. Ясно всякому и то, что такое знание обязательно не только для историка, а для каждого сознательного участника социалистического строительства.

«Капитал» — величайший пример такой научной работы, которая вооружает пролетариат для борьбы, которая, по словам Сталина, «дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела». Именно таково огромное и бесспорное значение «Капитала» для историка.

Итак, «Капитал» — экономическое исследование. Казалось бы после этого при разборе значения «Капитала» для историка можно было бы сказать, что у «Капитала» есть еще кроме экономического значения другая «сторона» — историческая, что в «Капитале» есть особые «части», посвященные истории. Несмотря на кажущуюся правдоподобность, такое утверждение было бы крайне неточно, а следовательно и неправильно. Вся трудность оценки исторического значения «Капитала» и состоит именно в том, что, являясь теоретическим экономическим исследованием, «Капитал» вместе с этим одновременно является произведением историческим. Не какая-либо одна сторона «Капитала» является исторической, а весь «Капитал» в целом. Это разумеется теснейшим образом связано с тем, что вся теория марксизма проникнута историзмом, исторична по существу. С этого и надо начать, а потом уже говорить об отдельных специально исторических экскурсах в «Капитале», которые там конечно есть и в которых обязательно надо разбираться историчу. Но не с них, а с более общего вопроса должен начаться разбор значения «Капитала» как исторического произведения.

Попытаемся в этом разобраться. Нам будет легче сделать это, если мы сначала рассмотрим вопрос о методологическом значении «Капитала» для историка и вопрос об основной теме «Капитала» — общественно-экономической формации капитализма.

Но добавим предварительно, что настоящая статья конечно не ставит своей целью исчерпать всю тему, разобрать вопрос во всем его объеме и с полной подробностью. Это — дело крупного специального исследования, и рамки небольшой журнальной статьи конечно не позволяют поставить подобную задачу.

МЕТОД
ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА
В «КАПИТАЛЕ»

Огромно значение «Капитала» в области метода исторического исследования. «Капитал» — одно из крупнейших произведений диалектического материализма. Мы должны сейчас напомнить историку и о значении «Капитала» как произведения, обосновывающего исторический материализм. Со времени появления «Капитала», говорит Ленин, *материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение*. Именно «Капитал» явился тем научным произведением, которое обосновало исторический материализм как науку, как научный метод, доказало его теоретическое значение, из гипотезы, предположения сделало бесспорной научной истиной. «Капитал» — блестящее применение метода исторического материализма. Каждый историк будет учиться на этом примере анализу производственных сил и производственных отношений, классовой борьбы, идеологических надстроек и их связи с порождавшими их производственными отношениями.

Важно отметить, что именно это значение «Капитала» пытались отрицать враги пролетариата, буржуазные «ученые» и классово ослепленные мещане в науке вроде всем известного народнического теоретика Михайловского, этого «властителя дум» российской мещанской интеллигенции. Он ухитрился не понять или притвориться непонимающим значение «Капитала» как труда, обосновывающего исторический материализм. Ленин в своем произведении «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» жестоко высмеял за это Михайловского.

«Теперь — со времени появления «Капитала» — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение... Материализм представляет из себя не «по преимуществу научное понимание истории», как думает господин Михайловский, а единственное научное понимание ее. И теперь — можете ли себе представить более забавный курьез, как тот, что нашлись люди, которые сумели, прочитав «Капитал», не найти там материализма! Где он? — спрашивает с искренним недоумением господин Михайловский... Он читал «Капитал» и не заметил, что имеет перед собой образец научного анализа одной — и самой сложной — общественной формации по материалистическому методу, образец всеми признанный и никем не превзойденный. И вот он сидит и думает свою крепкую думу над глубокомысленным вопросом: «в каком сочинении Маркс изложил свое материалистическое понимание истории?» (Ленин, т. I, стр. 63—64).

Ленин ставит перед нами центральную проблему «Капитала» — проблему общественно-экономической формации капитализма, законов ее развития и неизбежной гибели — революционной ликвидацией капиталистических отношений восставшим пролетариатом.

Но прежде чем перейти к рассмотрению этой проблемы в целом, остановимся на предшествовавшей капитализму формации. Маркс уделяет в «Капитале» много внимания вопросам феодальных отношений. Рассмо-

трен также в «Капитале» столь интересный для историка вопрос о торговом капитале, бывший предметом оживленных дискуссий последних лет.

ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ВОПРОС
О ТОРГОВОМ КАПИТАЛЕ

Капитализм, его структура и законы его развития — основная тема «Капитала». Это произведение сосредоточено на изучении одной общественно-экономической формации — капиталистической. Но в «Капитале» немало высказываний об античности и ее рабовладельческом строе, о первобытной патриархальной общине¹, особенно же много материала о феодализме. Это и понятно. Вспомним уже приведенные выше слова Маркса: «Экономическая структура (хозяйственный строй) капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого» (т. I, стр. 737)². Маркс не мог поэтому рассматривать капитализм оторванно от предшествовавшей формации — отсюда такой богатый материал о феодализме в «Капитале». Особенно много внимания посвящает Маркс феодализму в I и III томах. Очень много дает историку в этом смысле XXIV глава I тома, посвященная так называемому первоначальному накоплению.

Анализ основной производственной структуры феодализма и ее глубочайших отличий от производственной структуры капиталистического общества особенно детально проведен Марксом в III томе, в XLVII главе — «Генезис капиталистической земельной ренты». Величайшую важность имеют для историка отделы: «Отработочная рента», «Рента продуктами» и «Денежная рента». Маркс дает в них глубочайший анализ форм феодальной эксплуатации — барщины и оброка, характерных для феодализма.

На основании этой же главы (ей соответствуют многочисленные высказывания Маркса в других его работах, а также в переписке) прочно устанавливается положение, что крепостничество, крепостная эпоха не есть особая, отличная от феодализма общественно-экономическая формация, а является лишь этапом развития, «вторым изданием» феодализма. Эти же исторические главы «Капитала» выясняют роль внеэкономического принуждения в феодальных отношениях.

Для этой же темы особо важен второй раздел VIII главы, который озаглавлен: «Ненасытная жажда прибавочного труда. Фабрикант и боярин» (т. I, стр. 213 и сл.). Маркс проводит здесь параллель между феодальной и капиталистической эксплуатацией и выясняет глубокие отличия между ними. Тут привлечен Марксом большой исторический материал, главным образом относящийся к славянским странам Восточной Европы.

Интересно одно глубокое замечание Маркса о царской России, кичившейся после победы над Наполеоном ролью «освободительницы Европы». После русско-турецкой войны 1828—29 гг. Россия получила возможность распоряжаться в придунайских княжествах Молдавии и Валахии. Генералу П. Д. Киселеву, одному из участников расправы над декабристами, была поручена организация управления в «покоренных» областях. Киселевым была там проведена громкая «отмена крепостного права», фактически явившаяся ширмой как раз для закрепления крепостных отношений, которые до российского владычества имели хотя бы то преиму-

¹ За отсутствием места я не останавливаюсь на этих вопросах. — М. Н.

² В настоящей статье I том «Капитала» цитируется по изданию 1920 г. (Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. IV, ГИЗ, М., 1920 г.), а III том (ч. 1 и 2) цитируется по отдельному изданию 1931 г. (М.—Л., Соцэкгиз).

щество, что не были оформлены юридически. Эти отношения были «узаконены всемирной освободительницей Россией, — иронически пишет Маркс, — под предлогом отмены крепостного права. Кодекс барщинных работ, обнародованный русским генералом Киселевым в 1831 г., был конечно продиктован самими боярами. Таким образом Россия одним ударом завоевала магнатов дунайских княжеств и стяжала одобрительные рукоплескания либеральных кретинов всей Европы» (т. I, стр. 216).

Вопрос о различии феодальной и капиталистической формы эксплуатации вновь привлекает к себе внимание Маркса в XXI главе, посвященной простому воспроизводству: труд барщинного крестьянина и капиталистического рабочего сравнивается здесь с точки зрения заработной платы и воспроизводства «рабочего фонда» (т. I, стр. 574, 575). В то время как рабочий фонд принимает по отношению к капиталистическому рабочему форму платежного средства, по отношению к барщинному рабочему мы не имеем совершенно формы платы за труд. Барщинный рабочий, работающий положим три дня в неделю на собственном поле и три дня на помещичьей пашне, сам воспроизводит средства для собственного существования, для воспроизводства своей рабочей силы.

Очень важна общая характеристика общественных отношений «мрачного европейского средневековья», которая дана Марксом в I главе — «Товар и деньги». Подготавливая читателя к разбору вопроса о товарном фетишизме, характерном для капиталистических общественных отношений, Маркс выясняет вопрос, почему товарный фетишизм не имеет места в эпоху феодальных производственных отношений:

«... как бы мы ни оценивали те характеристичные маски, в которых выступают средневековые люди друг по отношению к другу, несомненно во всяком случае, что общественные отношения лиц в их труде проявляются здесь именно как их собственные личные отношения, а не облекаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда» (т. I, стр. 46).

Даже мелкие и беглые замечания Маркса об эпохе феодализма дают историку первостепенные руководящие указания для исследования истории феодализма. Так например в XXII главе — «Превращение прибавочной стоимости в капитал» — есть раздел, посвященный специальному вопросу: «ошибочному пониманию политической экономией¹ воспроизводства в расширенном масштабе». Маркс подчеркивает здесь производственное отличие судьбы прибавочного продукта, оторванного от трудящегося капиталистической и феодальной эксплуатацией. Капиталист, как правило, в основном капитализирует прибавочную стоимость, превращает ее в капитал. В известной доле прибавочная стоимость конечно идет и для личных расходов капиталиста. Буржуазная политическая экономия, выполняя социальный заказ капиталиста, всячески проповедывала бережливость, накопление капитала как первый долг капиталиста; ясно, что при такой «бережливости» большая часть прибавочной стоимости будет превращена в капитал и тем прочнее будет обеспечено расширенное воспроизводство капитала — основа капитализма.

В противоположность этому Маркс напоминает о феодальном «стародворянском» принципе, который, по справедливому замечанию Гегеля, «состоит в потреблении имеющегося в наличности» и особенно ярко проявляется в «роскоши личных услуг» (т. I, стр. 597). В небольшом, почти случайном замечании подчеркнут огромной важности принципиальный вопрос, отличающий производственные отношения одной формации от другой. Всякий помнит, что в исторических документах последних лет вопрос о торговом капитале и о несуществующем в природе «торговом капитализме» имел особую остроту. Особенно это касалось историков России. Вопросу о торговом капитале Маркс уделил большое внимание в «Ка-

¹ Речь идет о классической буржуазной политической экономии. — М. Н.

питале», дав особо важные, принципиального характера указания в III томе.

Обширный четвертый отдел III тома «Капитала» носит название «Превращение товарного капитала и денежного капитала в товарно-торговый капитал и денежно-торговый капитал (купеческий капитал)». В этом отделе имеет особую важность для историка XXI глава, целиком написанная в историческом разрезе и озаглавленная: «Из истории купеческого капитала». Первая из упомянутых глав дает теоретический разбор понятия «товарно-торговый капитал», вторая же — его историю. В разрезе этого же вопроса о торговом капитале очень важна уже не раз упомянутая тут XXIV глава I тома, посвященная так называемому первоначальному накоплению. Там как раз рассмотрен вопрос о зарождении капитализма, о предпосылках образования нового способа производства — капиталистического — и выяснена истинная роль торгового капитала в этом процессе.

Прежде всего ясно, что торговый капитал не образует своего способа производства.

«Ничего не может быть более нелюбопытного, — пишет Маркс, — как рассматривать купеческий капитал — в форме ли товарно-торгового или же в форме денежно-товарного капитала — как особый вид промышленного капитала» (т. III, стр. 310). *«Торговый капитал старше капиталистического способа производства»* (т. III, стр. 311). *«...торговый капитал, когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет систему грабежа, и недаром его развитие у торговых народов как древнего, так и нового времени непосредственно связано с насильственным грабежом, морским разбоем, похищением рабов, порабощением колоний; так было в Карфагене, в Риме, позднее у венецианцев, португальцев, голландцев и т. д.»* (т. III, стр. 317).

Поскольку торговый капитал не образует своего способа производства, то, разумеется, и речи быть не может о какой-то особой формации — «торговом капитализме». Такой формации никогда не было. Рассматривая происхождение капитализма, Маркс всегда говорит только о феодализме как о предшествовавшей ему общественно-экономической формации. Первой же стадией развития капитализма Маркс считает мануфактурный период.

В той же главе III тома — «Из истории купеческого капитала» — Маркс с полной ясностью высказывается о влиянии торгового капитала на производство. Торговый капитал влияет более или менее разлагающим образом на производство, но опять-таки своего способа производства не создает.

«...торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застаёт и которые во всех своих различных формах имеют своей целью главным образом потребительскую стоимость. Но в какой степени она влияет на разложение старого способа производства, это сначала зависит от его прочности и внутреннего строя. А к чему приводит этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства выступает на место старого, это зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства» (т. III, стр. 317).

Недавно опубликованные новые рукописи Маркса, относящиеся к I тому «Капитала», дают историком новый ценнейший материал для изучения вопроса о торговле и торговом капитале:

«Производство товаров и обращение товаров отнюдь не предполагают капиталистического способа производства в качестве предпосылки своего существования; напротив, как я уже раньше разъяснил, они принадлежат также «добуржуазным формам общества». Они — историческая предпосылка капиталистического способа производства» (см. «Большевик» № 5—6 за 1932 г., стр. 80).

Отсюда ясны методологические требования марксизма в отношении изучения торгового капитала. Конкретно историческая обстановка, степень развития данной общественно-экономической формации определяют роль торгового капитала. В известных обстоятельствах он может играть и консервирующую роль. Начав же разлагать феодализм, он становится уже исторической предпосылкой нового — капиталистического — способа производства.

Перейдем теперь к общественно-экономической формации капитализма.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ КАПИТАЛИЗМА

Вопрос об общественно-экономической формации — важнейший вопрос для историка. Это — основа, самая глубокая основа всякого подлинно научного, т. е. марксистского, исторического исследования. Ленин в своей работе о Марксе (написанной для Энциклопедического словаря бр. Гранат) подчеркивает именно эту сторону дела.

«Домарксовская социология и историография в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая с о в о к у п н о с т ь всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определенным условиям жизни и производства различных классов общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая корни без исключения всех идей различных тенденций в состоянии материальных производительных сил».

Нет и не может быть такой темы исторического исследования, которая не связывалась бы с этим центральным вопросом — вопросом общественно-экономической формации.

Основной темой «Капитала» является именно капиталистическая общественно-экономическая формация. Эпоха капитализма является сейчас одной из самых главных тем исторического исследования. С нею связана огромное количество исторических вопросов, изучаемых в настоящее время историками. История пролетариата и рабочего движения всех стран — и французская революция 1789 г.; назревание пролетарской революции и краха капитализма — и чартистское движение; современный всеобщий экономический кризис — и промышленный переворот в Англии XVIII в.; мировая империалистическая война — и наполеоновские войны; теперешнее восстание в голландском флоте Индонезии — и революция 1848 г.; китайская революция — и Парижская коммуна. Эти примеры можно увеличить до огромного количества.

Связана ли историческая тема с эпохой финансового капитала и империализма¹, или с эпохой промышленного капитала, — все равно для изучения той и другой эпохи историк необходимо глубокое знание законов развития всей капиталистической формации в целом, без этого он ни шагу не сможет сделать в своем исследовании. Ленин ясно и сжато изложил в своей работе «Что такое «друзья народа», как полно и всесторонне осветил Маркс в «Капитале» общественно-экономическую формацию капитализма. Маркс изучил в «Капитале» и производственные отношения капиталистической формации, и вырастающие внутри нее классовые противоречия и классовую борьбу, и идеологию капиталистического общества. Охват получился настолько полный, всесторонний и глубокий, что

¹ Маркс, гениально проанализировавший законы развития и гибели капитализма, его революционной ликвидации, естественно не мог рассмотреть в «Капитале» эпохи финансового капитала и империализма, так как умер до их наступления. — М. Н.

капиталистическая формация предстала перед читателем «Капитала», по словам Ленина, «как живая».

Вот что пишет об этом Ленин:

«Маркс берет одну из общественно-экономических формаций — систему товарного хозяйства — и на основании гигантской массы данных (которые он изучал не менее 25 лет) дает подробнейший анализ законов функционирования этой формации и развития ее. Этот анализ ограничен одними производственными отношениями между членами общества: не прибегая ни разу для объяснения дела к каким-нибудь моментам, стоящим вне этих производственных отношений, Маркс дает возможность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую, создавая антагонистические (в пределах уже производственных отношений) классы буржуазии и пролетариата, как развивает она производительность общественного труда и тем самым вносит такой элемент, который становится в непримиримое противоречие с основами самой этой капиталистической организации.»

Таков скелет «Капитала». Все дело, однако, в том, что Маркс этим скелетом не удовлетворился, что он одной «экономической теорией» в обычном смысле не ограничился, что — «объясняя» строение и развитие данной общественной формации «исключительно» производственными отношениями — он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью. Потому-то «Капитал» и имел такой гигантский успех, что эта книга «немецкого экономиста» показала читателю всю капиталистическую общественную формацию, как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями» (т. I, стр. 62—63).

Маркс писал в своем предисловии к «Капиталу»: «Моя точка зрения состоит в том, что я смотрю на развитие экономической общественной формации, как на естественно-исторический процесс». Ленин справедливо видел в этом положении основную идею «Капитала». Эта мысль теснейшим образом связана с центральным выводом «Капитала» — неизбежностью гибели капитализма под натиском пролетарской революции.

Добавим, что историк должен обязательно использовать для изучения вопроса о гибели капитализма новые рукописи Маркса (недавно опубликованные Институтом Маркса и Энгельса), в которых отражена подготовительная работа Маркса к «Капиталу». Именно вопрос об историчности капитализма, исторически преходящем капиталистическом способе производства, о неизбежности гибели капитализма и революционной ликвидации капиталистических отношений восставшим пролетариатом составляет преимущественную тему этих новых отрывков¹.

„КАПИТАЛ“ —
ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Все сказанное дает нам возможность подойти к решению поставленного выше общего вопроса: является ли исторический момент в «Капитале» какой-либо «добавочной» темой, одной из «сторон» «Капитала»? Является ли он чем-то отличным от «чисто экономического» содержания этого труда, таким «отдельным моментом», который будет воспринят и особо учтен специалистом-историком, но мимо которого может пройти

¹ Они публиковались в 1932 г. в «Большевике» — см. №№ 5—6, 12, 15. Публикация продолжается и в настоящем году — см. № 1—2 за 1933 г.

экономист, который сосредоточится на каких-то «других» сторонах «Капитала». Более для него существенных?

На все эти вопросы мы можем теперь ответить решительным отрицанием. Весь «Капитал» нассквозь историчен, каждая экономическая категория «Капитала» насыщена историческим содержанием и каждое положение имеет классовую сущность, заполнено классовыми отношениями. Историк берет выводы Маркса не «частично», не с какой-то одной «стороны», пренебрегая другими «сторонами», а в полном объеме его содержания.

Маленький пример. В первом томе «Капитала» есть замечательная глава — «Всеобщий закон капиталистического накопления». Это XXIII глава по общему счету глав I тома. Рассмотрев вопрос об органическом составе капитала и об отличии его от так называемого технического состава капитала, установив понятие состава капитала в отдельной отрасли производства, Маркс переходит к важнейшему вопросу о накоплении капитала. Разобрав его, он формулирует в сжатой и ясной форме свой основной вывод, свой итог: *«Итак, накопление капитала есть возрастание пролетариата»* (г. I, стр. 627).

Это положение в полном своем объеме нужно и для историка и для экономиста. Какую бы конкретную тему исследования из эпохи капитализма ни взял историк, он будет в своем исследовании руководствоваться этим обобщением. Возьмет ли он вопрос о предпосылках революции 1848 г. во Франции или революции 1905 г. в России, стант ли он изучать российский промышленный подъем 90-х годов XIX в и рабочее движение этого же десятилетия, Парижскую коммуну или восстание английских горняков, — во всех подобных темах он будет руководствоваться приведенным выше выводом Маркса, формулированным в главе «Всеобщий закон капиталистического накопления». В этом положении Маркса не будет никакой такой «стороны» или «части», которую историк может опустить как «несущественную» или нужную «только» для экономиста. Нет, он должен взять вывод Маркса в полном его объеме, применяя этот вывод на своей специальной теме, на каком-либо конкретном историческом материале, он будет руководствоваться этим общим положением как основным указанием в разработке документального, фактического материала исторического характера.

Это — первое. Это нужно прежде всего подчеркнуть при разборе значимая «Капитала» для историка.

Чрезвычайно важны для историка те страницы «Капитала», на которых Маркс сам применяет выработанные им руководящие положения о законах развития капиталистической формации к конкретному материалу. Этот материал часто носит исторический характер. Маркс черпает для доказательства своих положений материал из истории самых различных стран, народов, эпох. Он привлекает огромное количество исторических первоисточников (размах его тут поистине громаден): от древнего Диодора Сицилийского, описавшего тяжелый труд рабов на серебряных рудниках Италии, до отчетов фабричных инспекторов современной Марксу Англии. Политические вопросы эпохи, материал текущей политики современной Марксу Европы пронизывает страницы «Капитала», подчеркивая заостренно-политический смысл всего произведения как орудия классовой борьбы пролетариата против эксплуататоров.

Понятен поэтому особый интерес историка к тем страницам «Капитала», где Марксом разработан конкретный исторический материал.

Возьмем крупнейшие примеры этого в I томе «Капитала».

Расположим эти примеры так, чтобы они рисовали созданную Марксом историю развития капиталистической общественно-экономической формации: ее возникновение, первоначальное развитие, расцвет и крах — революционную ликвидацию капитализма восставшим пролетариатом.

Никто из читавших «Капитал» никогда не забудет XXIV главы I тома, озаглавленной: «Так называемое первоначальное накопление». Здесь Маркс рассмотрел на богатейшем и чрезвычайно ярком материале вопрос о зарождении капиталистической формации. Эта эпоха крови, насилия и грабежа трудящихся усиленно размалевывалась буржуазными историками как идиллическая картина «мирного» накопления буржуазных средств для дальнейшего промышленного развития. Маркс гневно разоблачает эту утреннюю «зарю» капиталистического производства. Заметим, что даже самое название главы гневно-саркастично: «Так называемое первоначальное накопление».

Характерно, что Каутский, написавший популярную брошюру «Экономическое учение Карла Маркса», не заметил или не захотел заметить этой иронии, и замазал ее тем, что совсем пропустил слова «так называемое» перед словами «первоначальное накопление».

«В незапамятные времена, — иронически излагает Маркс буржуазное «объяснение» начального накопления капитала, — существовала, с одной стороны, кучка трудолюбивых, разумных и, прежде всего, бережливых избранных и, с другой стороны, масса лентяев, оборванцев, прокучивавших все то, что у них было, и даже больше того. Так случилось, что первые накопили богатство, а у последних в конце концов ничего не осталось для продаж, кроме их собственной шкуры. С того времени существует широкая масса бедноты, у которой, несмотря на весь ее труд, все еще нечего продать, кроме себя самой, и горсточка богачей, богатство которых постоянно растет, хотя они давным-давно перестали работать» (т. I, стр. 735—736).

Так «понимает» дело буржуазия и ее ученые лакеи. Вернее, такие очки они стараются втереть трудящимся, которых они нещадно эксплуатируют. Бедные-де сами «виноваты» в своей бедности, так как были лодырями и все промотали, а богатые «самим себе» обязаны своим богатством, так как были «бережливы» и «накапливали».

Маркс разоблачает эту «идиллию». В действительности *«методы первоначального накопления — все, что угодно, но только не идиллия»* (т. I, стр. 736). Он показывает, что «первоначальное накопление» было не чем иным, как ограблением трудящихся, от которых предприниматели путем кровавого насилия отняли их средства производства и превратили их в «свободных, как птицы, пролетариев», которым нечего было продать, кроме собственных рук.

В начале той же главы Маркс дает важнейшие исторические обобщения, которые использует как руководящие каждый историк-марксист, исследующий тему о первоначальном накоплении. В нескольких сжатых строках Маркс вскрывает суть этого процесса и указывает историку, как и с какой стороны надо подходить к этой теме:

«... так называемое первоначальное накопление есть лишь исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует предисторию капитала и соответствующего ему способа производства. Экономическая структура (хозяйственный строй) капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого» (т. I, стр. 737).

Это отделение производителя от средств производства было достигнуто путем прямого грабежа трудящихся. Маркс недаром говорит, что история этого грабежа «вписана в летописи человечества пламенеющим языком меча и огня».

На огромном историческом материале Маркс развертывает дальше картины этого грабежа в разных странах, привлекая исторические перво-

источники, документы. Перед нами проходит Англия XIV—XVIII вв., хозяйство мелкого английского крестьянина, в которое вторгается прежний феодальный владелец, становящийся предпринимателем. Расцвет фландрской шерстяной промышленности повел к огромному повышению цен на шерсть. Лорд не желает больше ограничиваться феодальными поборами с пахущего и сеющего крестьянина—ему нужны овцы, ему нужна шерсть, которая так выгодно продается расцветающей шерстяной мануфактуре. *«Превращение пашни в пастбище для овец (гало лозунгом феодалов)»* (т. I, стр. 710). Крестьянские земли насильно отбираются и превращаются в господские пастбища, разрушаются крестьянские жилища, «огораживаются» общинные земли. Сами крестьяне, лишившиеся пашни и крова, превращаются в «свободных, как птицы, пролетариев», которых кровавое законодательство английских королей гонит на фабрики или в тюрьмы рабочих домов.

Тот же процесс анализируется Марксом на судьбе феодальных дружин и феодальных церковных владений. Кровавое законодательство против экспропрированных насильственно вгоняет их в рамки капиталистической эксплуатации, стремится задавить их протест, их революционное брожение, снизить заработную плату, доставить его величеству капиталу послушных рабов-пролетариев, покорно отдающих ему полный продукт своего труда за возможность нищенского прокорма и звериное логово.

Особый отдел главы Маркс посвящает вопросу о происхождении капиталистических фермеров и другой, не менее важной для историка, теме — созданию внутреннего рынка для промышленного капитала. Этот внутренний рынок — результат того же процесса отрыва производителей от средств производства, создания класса пролетариев, которых голод, нищета, экономическая необходимость гонят на фабрику под видом «свободно» нанимающихся рабочих. Маркс иронически подчеркивает истинный смысл этой «свободы в торчком и саркастическом названии «свободных, как птицы, пролетариев».

Особый отдел главы посвящен и возникновению и развитию класса эксплуататоров — буржуазии (*«Возникновение промышленного капиталиста»*). Тут развернуты картины бесстыдного кровавого колониального грабежа и дан анализ роли колониальной политики креннувшей буржуазии в процессе *«превращения феодального способа производства в капиталистический»* (т. I, стр. 775). Тут привлечена история Испании, Португалии, Голландии, Франции и Англии.

— *«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и истребление заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в запovedное поле олоты на чернокожих, — такова была утренняя заря капиталистической эры производства»* (т. I, стр. 775).

Важнейшие характерные исторические черты мануфактурного периода — колокичная система, государственные долги, гнет налогов, протекционизм, торговые войны — рассмотрены в этой же главе.

Таким образом всякий историк возникновения капитализма в любой стране имеет в XXIV главе «Капитала» блестящий образец применения диалектического метода к историческому исследованию этой темы, отчетливую постановку всех крупнейших проблем и для целого ряда стран — детальное исследование этих проблем на фактическом материале.

Прежде чем перейти к следующей крупной исторической теме, подобной вопросу о «так называемом первоначальном накоплении», необходимо остановиться еще на одной стороне Маркса как исследователя-историка, которую часто упускают из виду некоторые «заакадемизировавшиеся» историки-марксисты, пишущие сухие, вялые и бесстрастные научные трактаты и почему-то думающие, что именно «сухость», «холодность» и «бесстрастие» — признаки «настоящей» научной работы.

«Капитал» Маркса — не «бесстрастная» и «сухая» работа. Он насыщен величайшим страстным классовым гневом против эксплуататоров и всего эксплуататорского строя. Он сверкает молниями острейших сарказмов и жгущей иронии, он написан не только «умом», «интеллектом» — он написан всем человеческим существом Маркса-революционера, борца за освобождение труда, против всяческих эксплуататоров и насильников. за построение бесклассового общества, освобожденного от угнетения человека человеком. «Капитал» — эмоционально насыщенное произведение.

В редком научном трактате, — пишет Ленин о «Капитале», — вы найдете столько «сердца», столько горячих и страстных полемических выводов против представителей отсталых взглядов, против представителей тех общественных классов, которые по убеждению автора тормозят общественное развитие» (т. II, стр. 354).

XXIV глава — «Так называемое первоначальное накопление» — ярчайший пример этого классового гнева, насыщающего подлинно научное исследование. Маркс не только исследует — он разоблачает. Он разоблачает алчность, грабительство, волчью жадность, жестокость буржуазии, лажество и лицемерие буржуазных ученых, подлизывающихся к своим хозяевам и замазывающим действительный процесс грабежа трудящихся масс.

МАНУФАКТУРНЫЙ
ПЕРИОД

Историк должен помнить, что основные этапы истории капиталистической промышленности — от первоначальных форм мануфактуры до развитого промышленного капитализма — проанализированы именно в «Капитале». Метод, способ исследования этой темы развернут именно в нем.

Прежде всего Маркс дает блестящий и исчерпывающий анализ первичной формы капиталистического предприятия — мануфактуры. Надо подчеркнуть, что Маркс разъяснил в «Капитале» важнейшую для историка разницу между мануфактурой капиталистической и некапиталистической. Не всякая мануфактура является капиталистической, не всякая мануфактура характеризует новый, капиталистический способ производства (см. «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 263).

XII глава тома, называемая «Разделение труда и мануфактура», рассматривает вопросы происхождения мануфактуры из ремесла, основные формы мануфактуры (гетерогенную и органическую), разделение труда в мануфактуре. Маркс анализирует мануфактуру именно с точки зрения выявления в ней моментов новой хозяйственной формы, изменения производственных отношений на основе возросших производительных сил. Первый период капитализма Маркс называет именно мануфактурным. Для европейских стран, вступивших ранее других на путь капитализма, этот период охватывает время с половины XVI в. до последней трети XVIII в. Мануфактуру Маркс называет классической формой кооперации, основной на разделении труда. Эта форма организации производства значительно повышает производительность труда. На основе мануфактуры укрепляется капиталистическая эксплуатация пролетариата. Маркс приводит многочисленные исторические примеры — из истории английской, французской, швейцарской, голландской мануфактур.

Здесь, как и во многих других случаях, бросается в глаза характернейшая черта Маркса-историка: он подходит к каждой исторической теме с точки зрения сравнительно-исторического исследования. Изучая законы развития определенной общественно-экономической формации, он выявляет на историческом материале крупные, принципиального значения

признаки различных стран, анализируя характерные черты формации, общие различным странам.

Вместе с тем Маркс привлекает для сравнения также исторический материал других формаций. Так, описав и проанализировав особенности капиталистической мануфактуры, Маркс в той же главе сравнивает ремесло первобытной индусской общины с цеховым ремеслом феодализма и показывает, что ни то, ни другое не имеет ничего общего с основами капиталистической мануфактуры. Хотя с виду есть сходство — разделение труда, недостает главного — обособления средств производства в качестве капитала, противостоящего рабочему: средневековый подмастерье сросся со своими средствами производства, «как улиты с раковиной», — следовательно еще не имеет важнейшего признака пролетария — отделения от средств производства. Мы видим на этом примере, что сравнение формаций служит Марксу средством отчетливейшего выявления особенностей капиталистической формации.

Еще одно важнейшее для историка замечание: Маркс подчеркивает, что в отдельных случаях мануфактурный период знает применение машин, особенно при некоторых элементарных, подготовительных процессах производства, но все-таки из-за этого мануфактурный период не становится машинным — это характерно для следующего этапа капиталистического развития. «Специфическим для мануфактурного периода механизмом остается сам коллективный рабочий» (т. I, стр. 339).

Отсюда — руководящее указание для историка, изучающего мануфактурный период и вопрос о промышленном перевороте.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ, РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Вторжение машины в производство, революционизирующее прежние производственные отношения эпохи так называемого промышленного переворота, — это не первый, как думают некоторые историки, а второй период развития капиталистических отношений. Богатейшим историческим материалом насыщена основная для этой исторической темы знаменитая XIII глава «Капитала» — «Машины и крупная промышленность». В ней особенно часто встретит историк анализ истории промышленного развития отдельных европейских стран и отдельных отраслей промышленности. Особенно обилан и ценен материал по истории промышленного переворота в Англии во второй половине XVIII в. Эта глава включает в себя например ряд страниц по истории английской хлопчатобумажной промышленности в связи с историей рабочего движения второй половины XVIII в. и начала XIX в., представляющих собою прямо отдельную крупную историческую работу, имеющую самостоятельное значение.

Отметим, что историческое исследование на ту же тему встречается и в III томе «Капитала»: там в главе VI — «Влияние изменения цен» — есть особый отдел под названием «Общая иллюстрация: хлопчатобумажный кризис 1861—1865 годов».

Маркс вскрывает во всем объеме борьбу противоречий на переходе от мануфактурного периода к машинному. Особый подраздел главы о машинах имеет темой «Революционирование мануфактуры, ремесла и домашнего производства крупной промышленностью». Чисто технические моменты перехода рассмотрены тут Марксом с исчерпывающей полнотой. Проанализирована острая классовая борьба этого периода. Особенно подробно рассмотрено рабочее движение этого времени. Особый отдел главы посвящен борьбе рабочих с машинами (см. главу XIII, отд. V).

Рассматривая рабочее законодательство эпохи, Маркс вскрывает его роль ускорителя распространения машинной индустрии, победы круп-

ного машинного производства над мелким. Подход Маркса к вопросу тиден уже из названия соответствующего подотдела главы о машинах: «Переход современной мануфактуры и домашнего труда к крупной промышленности. Ускорение этой революции распространением фабричных законов на эти способы производства».

Эпоха зрелого промышленного капитализма с ее экономическими кризисами, резервной армией капитализма, ростом пролетариата, ростом пауперизма, обостряющейся классовой борьбой рассмотрена в «Капитале» на огромном историческом материале. Это — центр «Капитала», и этому уделено в нем наибольшее внимание. Не только отдельные исторические примеры по истории Англии, Франции, Бельгии, Германии вкраплены в текст экономических глав, — часто чисто историческим вопросам Маркс посвящает отдельные крупные отделы. Так, в главе о всеобщем законе капиталистического накопления имеется например особая часть: «Англия 1846—1866 гг.». Эта тема взята Марксом в качестве примера. Тут рассматривается история Англии за указанное двадцатилетие с точки зрения развития промышленности и накопления капитала на одном полюсе и роста рабочего класса, нищеты и пауперизма — на другом. Англия взята Марксом именно как классический пример страны развитого капитализма, и рост классовых противоречий в эпоху двух десятилетий типичного промышленно-капиталистического «процветания» тут особенно характерен.

ИСТОРИЯ
РАБОЧЕГО КЛАССА

Всемирно историческая роль пролетариата как могильщика капиталистического общества, пролетариата, совершающего социалистическую революцию, строителя бесклассового социалистического общества, — такова основная, руководящая мысль «Капитала» и основной исторический вывод, установленный Марксом. Ясно, что этот вывод имеет важнейшее, руководящее значение для специального изучения истории пролетариата.

История рабочего класса в эпоху промышленного капитализма — одна из исторических тем, особенно полно раскрытых Марксом в «Капитале». Он проводит это исследование всесторонне. Центральным, руководящим тут является положение об антагонистическом характере капиталистического производства. «Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе» (т. I, стр. 664). На основе этого общего положения Маркс рассматривает вопрос о происхождении рабочего класса, процессах его формирования, его численности, составе. Подробнейшим образом рассмотрена в историческом разрезе проблема эксплуатации пролетариата буржуазией — примеры взяты, начиная с момента первоначального накопления капитала и далее на всем протяжении истории промышленного капитализма. Рассмотрены подробнейшим образом история заработной платы, история рабочего дня, вопросы женского и детского труда, питания, жилища, одежды, быта, идеологии рабочего класса. Исторический материал главным образом взят Марксом из истории страны классического капитализма — Англии, но привлечен также и ряд других стран, например Франция, Германия.

Иногда исторические сведения о положении рабочего класса вкраплены в ход экономического анализа стоимости, нормы прибыли, органического состава капитала, иногда же историческое исследование Маркса о рабочем классе выделяется в особые крупные отделы, главы или даже целый ряд отделов. Так, мы имеем в одном из крупных примечаний к главе V «Процесс труда и процесс увеличения стоимости» разбор характерных особенностей положения английского каменщика и квалифицированного текстильщика в 40-е годы XIX в. (т. I, стр. 175); в главе VII «Норма прибавочной стоимости» анализ положения детского труда в англ-

лийской льнопрядильной промышленности того же десятилетия. Таких примеров можно было бы привести очень много. Среди крупных глав и их отделов прежде всего надо назвать насквозь историческую по своему материалу VIII главу — «Рабочий день». Исследуя в этой главе вопрос об эксплуатации пролетариата, прилагая в ней к конкретному историческому материалу выводы о норме прибавочной стоимости, полученные в предыдущей главе, Маркс показывает, как ненасытная жажда прибавочного труда у капиталистов заставляла их увеличивать рабочий день и интенсифицировать труд, не зная никаких границ своей алчности.

«При своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал определяет не только моральные, но и чисто физические максимальные пределы рабочего дня. Он узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела. Он похищает время, необходимое для поглощения свежего воздуха и солнечного света... не нормальное сохранение рабочей силы определяет здесь границы рабочего дня, а наоборот, возможно большая ежедневная затрата рабочей силы, как бы болезненно-насильственна и мучительна ни была она, ставит границы для отдыха рабочего. Капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы. Интересует его единственно тот максимум рабочей силы, который можно привести в движение в течение рабочего дня» (т. I, стр. 246).

На огромном фактическом материале — главным образом истории английского рабочего класса 40-х и 60-х гг. XIX в. вопрос о рабочем дне рассмотрен детальнейшим образом и для отдельных отраслей промышленности (III отдел, VIII глава — кружевное, гончарное, спичечное, обойное, пекарное, железнодорожное, швейное, кузнечное производства: для системы смен и введения непрерывного суточного труда — металлопромышленность).

В ответ на рост капиталистической эксплуатации растет борьба рабочего класса. В VIII главе I тома — «Рабочий день» Маркс посвящает этому вопросу три последних раздела. Он рассматривает в этой главе, соответственно ее теме, борьбу за нормальный рабочий день. *«Установление нормального рабочего дня явилось результатом многовековой борьбы между капиталистом и рабочим»* (т. I, стр. 252). В этих разделах Марксом рассмотрена также история фабричного законодательства с XIV по XIX век.

Эти положения звучат так знакомо для читателя, что могут показаться ему «само собой разумеющимися». «Конечно фабриканты стремятся удлинить рабочий день, конечно рабочие борются против этого, ясно, что жажда прибавочного труда у капиталиста ненасытна!» — может сказать читатель. Но в том-то и дело, что все эти «простые» выводы завоеваны для пролетарской науки именно великой книгой Маркса «Капитал» и теоретически проанализированы, осмыслены, научно обоснованы именно в этой книге. И историк, изучающий вопрос о рабочем дне, именно в этой книге найдет основные способы (методы) изучения истории рабочего дня и связанной с этим вопросом борьбы пролетариата.

Во всех последующих главах также огромное место уделено вопросу истории рабочего класса и его эксплуатации (положению рабочего класса), особенно же много внимания уделено этому Марксом в V отделе — «Производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости», в VI отделе — «Заработная плата» и в знаменитой XXI главе — «Всеобщий закон капиталистического накопления», где уже в упомянутом нами V отделе («Иллюстрация всеобщего закона капиталистического накопления») Маркс в специальных подотделах рассматривает вопросы о наиболее плохо оплачиваемых слоях рабочего класса, о бродячих рабочих и горнорабочих, о влиянии кризисов на наилучше оплачиваемую часть рабочего класса, о британском земледельческом пролетариате и о пролетариате Ирландии.

И опять мы отмечаем у Маркса — исследователя истории рабочего

класса характерную черту: Маркс — не «холодный, академический ученый», а ученый-революционер, ученый — борец за дело своего класса. Поэтому и картины отчаянного положения английских металлистов или немецких горняков, или детей, умирающих у ткацкого станка Манчестера, насыщены классовым гневом, написаны горячо и страстно и никогда не забудутся теми, кто хотя бы раз прочел их. Анализируя вопрос хотя бы о рабочем дне, Маркс приводит сотни примеров эксплуатации рабочих, а нет ни одного случая, который излагался бы Марксом с «холодным» бесстрашием.

Вот например случай, описанный в современной Марксу газете под лицемерным заголовком якобы «удивленного» буржуа: «Смерть от простого переутомления». В 1863 г. в придворной модной мастерской работала Мэри-Анна Уоклей. Мастерскую эксплуатировала, как саркастически передает заметку Маркс, «одна дама с симпатичным именем Элиза». Был разгар «сезона», разгар придворных балов, на которые благородные леди собирались танцевать в роскошных нарядах. Предстоял бал в честь «только что импортированной принцессы Уэльской». Мэри-Анна Уоклей проработала 26½ часов и в результате чрезмерной работы «умерла в воскресенье, не потрудившись даже, к великому изумлению госпожи Элизы, закончить последнее бальное платье» (т. I, стр. 234—235). Этот случай вызывает гнусно лицемерное «удивление» буржуа: «вообразите — смерть от простого переутомления!» Маркс, которому этот пример — один из сотен — нужен для доказательства стремления капиталиста безгранично увеличивать рабочий день, насыщает этот пример саркастическим разоблачением лицемерия буржуа, срывает с него маску и показывает подлинное его лицо.

Никто из читавших главу о первоначальном накоплении капитала не забыл конечно герцогиню Сутерленд, экспроприировавшую бравых шотландцев-галлов, населявших ее земли и сотни лет «проливавших кровь за ее род». Герцогиня решила «очистить» от людей целое графство, ей принадлежавшее, и превратить землю в пастбище — один из примеров того, как, по выражению великого утописта Томаса Мора, овцы могли «с'есть людей». Вместо 15 тысяч галлов на землях Сутерленд появилась 131 тысяча овец. С 1814 по 1820 г. герцогиня провела в этом графстве настоящую войну: «британские солдаты были посланы для экзекуции и дело доходило у них до настоящих битв с местными жителями. Одну старуху сожгли в ее собственной избе, так как она отказалась ее покинуть». Часть опрабленных галлов пыталась прокормиться рыболовством. Оттесненные к берегу, они жили наполовину на земле, наполовину на воде, но и земля и вода вместе лишь наполовину обеспечивали их существование. Этот рассказ дан Марксом в яркой художественной форме, он разоблачает подлинное существо зари капиталистического производства. Интересно отметить, что эти факты дали Марксу повод и к политическому разоблачению: герцогиня Сутерленд устроила в Лондоне пышную встречу писательнице Бичер-Стоу, автору «Хижины дяди Тома». Встреча была устроена с целью показать симпатию герцогини к «бедным» американским неграм-рабам. Маркс в ответ на это лицемерие поместил в газете «New York Tribune» статью о том, как живут рабы самой герцогини Сутерленд (т. I, стр. 752—753).

ИДЕОЛОГИЯ
ПРОМЫШЛЕННОЙ БУРЖУАЗИИ

Эта тема также является исторической. Историк идеологии капиталистического общества не сможет правильно поставить свое исследование, если не учтет тех руководящих выводов Маркса, которые имеются в «Капитале». Особенно важно учесть это историку идеологии эпохи промышленного капитализма — историку буржуазной науки, религии, искусства.

Прежде всего историку важно учесть то, что Маркс не преследовал

цели дать характеристику какой-либо отдельной конкретной капиталистической системы, а дает общую схему капитализма. Характерные стороны капиталистического процесса он брал в плане высшей экономической абстракции. Пользуясь этим приемом, он прибегал к особому способу персонификации капитала. Он нарисовал обобщенный образ капиталиста с присущими ему характерными чертами личности, ненасытной жажды прибавочного труда, с чертами безжалостного эксплуататора. Капиталист Маркса действует «как олицетворенный, одаренный волей и сознанием капитал. Капиталист представляет собою лишь персонифицированный капитал. Его душа — душа капитала». Отсюда для историка — возможность проверки центральных идеологических черт капитализма при анализе какой-либо капиталистической идеологии.

Надо заметить, что этот прием персонификации капитала часто облекается Марксом в художественную форму, помогающую читателю схватить суть идеологии капиталиста. Вот один из примеров. Разоблачив лицемерную попытку капиталистической политэкономии объяснить возникновение прибыли «самоотречением» капиталиста, якобы «воздерживающегося от личного потребления, чтобы пустить деньги опять в оборот во имя «интересов промышленности», Маркс вскрывает истинное существо доходов капиталиста и останавливается на эксплуатации детей в английской стекольной промышленности. Даже официальные фабричные отчеты признают эту эксплуатацию баснословной. *«А между тем, — восклицает Маркс, — «преисполненный самоотречения» капитал стеклопромышленности, пошатываясь от порвейна, возвращается поздно ночью из клуба домой и идиотски напевает себе под нос: «Нет, никогда, никогда не будут британцы рабами» (т. I, стр. 245).*

Капитал дается здесь как живое, художественное типизированное лицо: он днем эксплуатирует детский труд, а ночью пьянствует в клубе и, возвращаясь домой, поет лицемерную песню о рабах, в то время как его собственные фабрики полны этих самых британских рабов...

Очень важны для историка-марксиста разбросанные в «Капитале» характеристики отдельных буржуазных историков, разоблачающие их классовую сущность. Пример — характеристика английского историка Маколей (т. I, стр. 255) в главе о рабочем дне. Маркс приходит к выводу, что Маколей «подделал английскую историю в интересах вигов и буржуазии». Очень интересна характеристика буржуазного историка Моммсена, узревшего капитализм... в античном Риме (т. III, стр. 313).

Особенно богат «Капитал» анализом буржуазной политической экономии. Самый подзаголовок «Капитала» — «Критика политической экономии» — указывает на то, что вместе с созданием новой, подлинно научной протетарской теории политической экономии, полностью соответствующей действительному положению вещей, Маркс разоблачил и разрушил ложную науку — буржуазную политическую экономию. *«Бульварная экономия, — пишет Маркс, — толчется лишь в области внешних кажущихся зависимостей, все снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической экономией, с целью растолковать буржуазин грубейшие явления экономической жизни и, так сказать, приспособить их к домашнему обиходу буржуа. В остальном она ограничивается тем, что подлински систематизирует бабальные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства о их собственном мире — лучшем из всех миров — и объявляет эти представления вечными истинами» (т. I, стр. 50).*

Сжатая и блестящая сводка об истории буржуазной политической экономии дана Марксом в послесловии ко второму изданию «Капитала» (т. I, стр. XLVII—XLIX). Тут установлена общая линия развития буржуазной политической экономии. ее конечная зависимость от состояния производительных сил и прямая ее связь с классовой борьбой эпохи. В «Капитале» дано огромное число характеристик и разоблачений отдельных бур

жуазных экономистов — Сэя, Бентама, Милля, Сениора, Мальтуса, Мак-Куллоха, Рошера и многих других.

Добавим, что историк, изучающий идеологию капиталистической буржуазии, обязательно должен глубочайшим образом продумать одно замечательное высказывание Маркса об особом способе идеологической маскировки, применяемом капиталистом и его ученым. Оно находится во вновь опубликованных рукописях Маркса, относящихся к I тому «Капитала». Маркс говорит здесь о подмене буржуа и его ученым понятия капиталистической частной собственности понятием трудовой частной собственности, характерной для докапиталистического способа производства.

«... не только теория капиталистического способа производства (политическая экономия, философия права и т. д.), но и сам капиталист любит в своем представлении смешивать свой вид собственности и присвоения, покоящийся в своем дальнейшем развитии на присвоении чужого труда и в своем начале на экспроприации непосредственного производителя, с тем способом производства, который наоборот предполагает частную собственность непосредственного производителя на его условия производства...» (см. «Большевик» за 1932 г. № 5—6, стр. 91—92).

Мы видим, что Маркс является не «беспристрастным» ученым, исследующим корни идеологии буржуа, но борцом против этой идеологии, ее беспощадным разоблачителем.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЛИКВИДАЦИЯ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Итак, основная тема «Капитала» — общественно-экономическая формация капитализма, законы ее функционирования, развития и гибели. Маркс изучает ее возникновение, расцвет и неизбежную гибель. Капиталистическое общество возникает на развалинах феодального, — разложение последнего освобождает элементы первого. Вместо феодального способа производства возникает новый — капиталистический. Старыми, феодальными способами насилия, внеэкономического принуждения пользуется эпоха первоначального накопления капитала, экспроприрующая непосредственного производителя. Она отделяет его от средств производства, создает в начальной форме класс пролетариата, продающий свои рабочие руки и не имеющий иных средств существования.

Возникающая на развалинах феодальных форм капиталистическая мануфактура жадно поглощает труд разоряющегося мелкого производителя. Промышленная революция открывает эпоху победного шествия новой машинной техники. Пар и машины производят революцию в промышленности. Капиталистический способ производства окончательно укрепляется, вместе с ним окончательно оформляется класс пролетариата. Растет капиталистический рынок, ширится круговорот капитала — капитал воспроизводит себя во все расширяющемся масштабе, — периодические кризисы потрясают всю хаотическую, не регулируемую планом систему капиталистического производства. Растет прибавочная стоимость, высасываемая капиталом из трудящихся. В руках кучки эксплуататоров сосредотачиваются огромные средства производства. Человеческое общество все отчетливее, все резче раскалывается на антагонистические классы — пролетариат и буржуазию.

Вызванные к жизни капиталом производительные силы уже не умеются в узких рамках капиталистических производственных отношений. Как говорится в «Коммунистическом манифесте», буржуазия походит «на волшебника, который не в состоянии справиться с вызванными его заклинаниями подземными силами». Историческая миссия класса пролетариата — революционная ликвидация капиталистических отношений и соз-

данье бесклассового социалистического общества. Гениальное произведение Маркса «Капитал» глубоко научно, на основании острейшего теоретического анализа доказывает неизбежность краха капитализма, революционной ликвидации пролетариатом капиталистических отношений.

Глава о так называемом первоначальном накоплении подводит в этом отношении итоги в знаменитом разделе «Историческая тенденция капиталистического накопления». Сопоставив особенности развития начала капиталистических отношений, «зарю» капиталистического производства (отмеченную самым беззастенчивым грабежом самостоятельного производителя) с моментом краха капитализма, Маркс приходит к выводу: «Экспроприации подлежат теперь не самостоятельно хозяйствующий рабочий, а эксплуатирующий многих рабочих капиталист». «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вместе с нею и благодаря ей достиг расцвета. Централизация средств производства и обобществления труда достигает уровня, при котором они становятся несомеснимыми с капиталистической оболочкой. Последняя разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприруют».

В этих знаменитых словах—конечный исторический вывод «Капитала». И к этому выводу, как радиусы к центру, сбегаются нити любого исторического исследования эпохи капитализма. Центральный вывод «Капитала» историчен по существу. Это еще раз подчеркивает огромное значение «Капитала» для историка.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Крупнейшая работа Маркса «Капитал» имеет огромное значение для историка. «Капитал» не является каким-то «узким», написанным «специально» для экономистов произведением. «Капитал» широк и многосторонен, одновременно являясь и экономическим, и историческим, и философским трудом.

«Капитал»—блестящее, классическое применение метода диалектического материализма к изучению законов развития общественно-экономической формации капитализма.

«Капитал» включает в себя разработку отдельных значительнейших тем исторического исследования, относящихся к эпохе промышленного капитализма: историю так называемого первоначального накопления, историю мануфактурного периода, историю промышленного переворота, историю развитого промышленного капитализма, историю пролетариата, и мн. др. Разработка всех этих исторических тем является блестящим образцом применения метода исторического материализма к огромному историческому материалу. «Капитал» дает огромной ценности и руководящего значения указания для исторического исследования прочих общественно-экономических формаций. В частности «Капитал» дает исторнику ценнейшие указания для изучения истории феодализма. В «Капитале» имеется также большое количество руководящих указаний для изучения античного мира и рабовладельческого строя.

Изучение «Капитала» как исторического произведения—обязательная задача каждого историка.

«Капитал» Маркса, как и все его работы, является величайшим произведением человеческого гения. Многие поколения рабочего класса учились на этом произведении понимать задачи своего класса, задачи борьбы против буржуазии. Прошло 64 года со времени выхода в свет I тома; за эти десятилетия рабочий класс прошел большую и суровую школу борьбы. Идя по пути, указанному Марксом, он одержал ряд побед всемирно исторического значения.

«Капитал» принадлежит рабочему классу, он принадлежит коммунизму, победоносно строящему социалистическое общество в нашей стране и готовящему мировой пролетариат к решающим боям за власть.